

М. В. Берендеев

**СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ СТРАН БАЛТИИ
В ДИСКУРСЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИТЕТОМ
И ЕВРОИНТЕГРАЦИЕЙ**

50

Отражается проблема новой идентичности в странах Балтии в условиях конкуренции европейских пространств. Страны Балтии представлены как политическая конструкция, где формируются конкурентные идентичности по отношению друг к другу, ориентированные на разные центры в современной Европе. Дискурс идентичности в странах Балтии обретает новые маркеры. Обсуждается кризис доверия к институтам власти и проблема интеграции.

The publication reflects the problem of new identity of the Baltics in the conditions of competition between European spaces. The Baltic States are presented as a political structure, where mutually competitive identities oriented towards different centres of modern Europe are developing. In the Baltics, the identity discourse acquires new markers. The agenda includes the crisis of confidence in the institutions of power and integration problems.

Ключевые слова: национальная идентичность, европейская идентичность, страны Балтии, Европейский союз.

Key words: National identity, European identity, Baltic States, European Union.

Идентичность в политической науке стала сегодня не только феноменом, отражающим культурно-ментальные и социально-психологические основы политики, но и технологией продвижения стратегических императивов существования этносов, наций, целых государств и даже геополитических образований. Она превратилась в концептуальную силу в решении многих вопросов, в практику воздействия и влияния на социальный и политический климат.

Особенно это инструменталистское понимание идентичности нашло применение в постсоветской Европе, где национальные государства в исторической антипатии к советскому прошлому оказались у ворот рынка идентичностей, выбор каждой из которых мог сформировать бренд, хорошо узнаваемый, продаваемый, а главное, конкурентный в большой и единой Европе. Одним из позиционных регионов, оказавшихся в состоянии поиска места в новой Европе, стал регион с названием «страны Балтии».

«Современная политическая реальность стран Балтии может быть представлена как взаимодействие двух конкурирующих дискурсов» [1] по отношению к идентичности: дискурс суверенитета (национальной идентичности) и интеграции (европейской идентичности).

Первый связан с построением государственности и политики национальной исключительности. В этом смысле интеграция с Западом и ЕС рассматривается с точки зрения безопасности. Второй отражает дискуссию вокруг европейской идентичности и места балтийских государств, с одной стороны, в институциональном целом ЕС, а с другой — в идеологическом. Оба являются попыткой присвоения относительной стабильности одним смыслом путем исключения некоторых других.

Дискурс идентичности балтийских государств во многом определяется и в отношениях с Россией — ее демонизацией. Посткоммунистические связи между Россией и странами Балтии с самого начала были обозначены как асимметричные. До сих пор в них ключевыми выступают месседжи о геополитических интересах России и ее действиях по отношению к странам Балтии, которые в первую очередь направлены на подрыв автономии их политических решений, то есть ослабление структур власти. Бегство из имперского пространства стало единственным фактором формирования общности балтийских государств, к тому же «на Западе возвращение балтийских государств на политическую карту Европы было изначально представлено прежде всего как факт, свидетельствующий о силе Запада, символизирующий его победу в холодной войне» [1].

Эксплуатирование исторической тематики в отношениях между Россией и балтийскими государствами на политическом уровне определило контуры по становлению новой европейской идентичности прибалтов. В сущности, для многих национальных правительств европейская идентичность обреталась в двух вариантах: незамедлительное членство в ЕС, а для восточных европейцев, исповедывающих этот первоначальный программный принцип своего дальнейшего развития, европейская идентичность формировалась в фокусе контриденности к советскому, коммунистическому наследию и развернувшейся русофобии в середине 1990-х гг. в странах ЦВЕ (Центральной и Восточной Европы): «Восточные европейцы испытывают затруднения: они изживают трагические события своего прошлого и не примут модель Европейского союза без ее ассимиляции на местности» [2].

В современной политической литературе термин «страны Балтии» описывается как «политическое изобретение XX века, имеющее мало общего с исторической или культурной самобытностью трех стран» [3]. В истории Европы Литва, Латвия и Эстония никогда не были единым геополитическим образованием и даже не особенно стремились к межгосударственной интеграции друг с другом. Термин «страны Балтии» появился в начале 1990-х гг. в американско-европейском политическом дискурсе, когда три страны, исторически и культурно разнородные, были объединены некоей аксиомой балтийского единства в одно гео-

политическое образование. Для европейцев политический дискурс вокруг тематики балтийской идентичности сводится во многом к тезису, что балтийские государства являются частью Европы, а их нахождение в составе Российской империи, а затем Советского Союза — историческая трагедия.

По этой причине в европейском сознании сложился целый миф о триединстве Литвы, Латвии и Эстонии в плане их прошлого, который стирал грани национальных государственных идентичностей, смешивая эти три страны в целое. Литву, начиная с революционных событий в ней, стали вместе с Эстонией и Латвией обозначать как страны Балтии, несмотря на очевидные культурные и историко-политические разногласия. Для ЕС и Запада в целом эти три государства были заперты в одном геополитическом пространстве, которое принадлежало СССР.

Другой миф в европейском сознании — представление об этносе балтов. Образ балта фактически стал символом борьбы за независимость с восточным гегемоном (СССР), а героизация этого образа в Европе породила стереотипное мнение об угнетаемых народах, требующих постоянного освобождения от внешних угроз. Страны Балтии получили статус «тигров посткоммунистических реформ и высокомерных дезертиров из советского прошлого с его обременительным наследием». Созданный в Европе стереотип «goodies versus baddies» («положительные герой против злодеев») [4] стал основой для нового рынка идентичностей, противостоящего российским маркерам.

С точки зрения исторической идентичности из трех стран Балтии только Литва имеет ранние традиции государственности, получившие развитие с XIII в.; две же другие территории, на которых расположены современные Латвия и Эстония, государственности как таковой не имели, находясь вплоть до начала XVIII в. под патронатом немцев, а затем шведов. Литва развивалась как самостоятельное государство, будучи долгое время ключевым игроком в европейской политике, в отличие от Эстонии и Латвии.

Судьбы стран Балтии сходятся в момент, когда Литва, Латвия и Эстония становятся частью Российской империи. Государственность Латвийской Республики и Эстонии была провозглашена только в 1918 г. и получила международное признание в 1920–1921 гг.: «История балтийских стран до периода вхождения в Россию (начало XVIII в.) свидетельствует о том, что Эстония и Латвия были больше зависимы от Северной Европы (Швеция, Дания и Германия), а Литва благодаря исторической интеграции с Польшей была более подвержена влиянию из Центральной Европы» [1].

Сегодня ориентиры Литвы в поисках центров своей идентичности остались прежними — Центральная Европа, но главным конкурентом в этом пространстве стала Польша. Исторический союз двух стран реорганизовался в соперничество и до сих пор вызывает политическую и культурную напряженность, учитывая, что «литовская национальная идентичность была также построена в значительной степени за счет

дистанцирования литовской культуры от польского влияния» [5]. После восстановления своей независимости у трех балтийских государств не было плана интеграции друг с другом или с регионом. Укрепление их индивидуальных суверенитетов и восстановление атрибутов государственности не создавали благоприятных условий для тесного регионального сотрудничества.

Исторически Литва, Латвия и Эстония не имели единого центра идентичности, а их этнические, культурные и политические маркеры лежали в разных плоскостях, учитывая и конфессиональную разницу между протестантским лютеранством в Латвии и Эстонии и католическим самосознанием населения Литвы. Одна из основных особенностей культурной идентичности — это язык, который также не схож. Литовский и латышский относятся к балтийской группе индоевропейских языков, эстонский же — к финно-угорской.

Исторические тренды тяготения к различным центрам сохранились и сегодня. Особенно это видно на примере Эстонии, ориентированной на «строительство» своей идентичности не в балтийской плоскости, а в более привлекательной и даже брендовой в Европе — северной, скандинавской. Нордический компонент, сцементированный глубокими экономическими отношениями с Финляндией и Швецией, скорее всего оттеснит на периферию другие составляющие идентичности эстонцев. Единственной страной с «вынужденным балтийским сознанием» стала Латвия, для которой поиск своего места в современной Европе все более зависит от конъюнктуры в отношениях ЕС и России: «Латыши всегда были сильными промоутерами и энтузиастами Балтийского единства и сотрудничества, что, конечно, естественно, потому что только одни они граничат с двумя балтийскими соседями» [5].

Миф об общей основе идентичности балтийских стран, может, и привел к сугубо внешнему образу балтийского единства, но одновременно обозначил и амбивалентные реакции в этих трех странах: «Эстонцы утверждают свою схожесть со скандинавами, литовцы утверждают в ценностях центральноевропейских культурных традиций и могущества польско-литовского союза в прошлом. Только латыши убеждены, что их идентичность лежит в пределах региона Балтийского моря» [4].

Нужно отметить, что на протяжении своей истории территории, на которых расположены балтийские государства, являлись периферией для всех идентификационных центров: Центральной и Восточной Европы, Скандинавии (Северной Европы), России (Российской империи). Центральная и Восточная Европа сама рассматривалась на периферии европейской цивилизации, принимая импульсы развития с Запада, а после Ялтинской конференции в 1945 г. идентификационный центр восточных европейцев сместился на Восток.

Положение «европейского пригорода» в дискурсе о странах Восточной Европы особенно болезненно переживается в балтийских странах. Своеобразно стал укрепляться комплекс самоидентификации, по-

родивший дилемму в сознании младевропейцев. С одной стороны, ярко выраженное стремление в идеализированную Европу, осознание исторической причастности к европейскому пространству, с другой — понимание того, что европейское пространство стратифицировано на центр и периферию, из-за чего рождается чувство дискомфорта.

После присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к ЕС и НАТО особенно отчетливо выступили контуры внешней политики прибалтийских государств. Поиск стратегических партнеров в центрах ЕС и за его пределами обрисовал приоритеты сотрудничества, и у трех балтийских государств они получились различными. Литва сосредоточила большую часть своей внешней политики по линии «Варшава — Вашингтон». Эстония продолжает политику ориентации на «Хельсинки — Брюссель». Латвия оказалась самой уязвимой, оставшись фактически без четко выраженных партнеров в ситуации «между всеми».

До 2004 г., когда произошло ключевое историческое событие (геополитический переезд ЕС с преодолением границ бывшего СССР), в политическом дискурсе ЕС считали, что «включение балтийских государств в ЕС и НАТО будет способствовать реструктуризации исторически обремененных отношений» [6]. Но через девять лет после этого связи России и балтийских стран не показывают никаких признаков хотя бы формальной «перезагрузки». Актуальные проблемы 1990-х гг. между Россией и балтийскими странами являются определяющими и сегодня: статус русскоговорящих меньшинств, отношение к историческому наследию Второй мировой войны, дискуссия вокруг советской оккупации Литвы, Латвии и Эстонии и др. Эти темы никуда не исчезли. Они стали частью политики суверенных республик по строительству государственности, десоветизации и установлению в общественном сознании контекстуальных рамок дискурса вокруг советского наследия во всей Европе.

Балтийские государства в своей «идентичности — независимости» используют только последнюю, тиражируемую в массовом сознании — идею советской оккупации. Однако советский период Прибалтики не самый ключевой этап в ее истории: на протяжении почти восьми веков одна или сразу несколько современных территорий стран Балтии находились под юрисдикцией германских орденов, Польши, Пруссии, Швеции, Дании, Российской империи. Реальность немецкой и шведской оккупации, а затем ассимиляции в Российской империи оставили значительные «пятна» на балтийской истории.

Членство в ЕС, судя по всему, увеличило размеры конфликта и расширило арену соперничества в вопросах советской истории.

Во многом такое положение дел есть следование конструктивистской парадигме, в которой «интерсубъективные идеи, нормы и ценности представляют собой независимые причинные силы в международных отношениях, отличные от материальных структур, а национальные идентичности, воплощенные в конструкциях государств, являются одними из наиболее важных элементов этих идейных структур» [6]. Возможно, именно поэтому выстраивание моделей национальных

идентичностей в России и балтийских государствах основано на двух взаимоисключающих дискурсах.

В сущности, мы имеем дело с двумя повествовательными конструкциями, которые устанавливают антагонистический режим дискурса и делают возможным существование противостоящих идентичностей, когда сама европейская идентичность в балтийских странах начала основываться на контридентификации по отношению к историческому советскому прошлому и российскому настоящему в условиях правопреемственности.

Исторический режим дискурса вокруг новой идентичности балтийских государств стал определяющим, центральным для интерпретации экономического и политического места этих трех стран в ЕС. В конце первого десятилетия XXI в. исторические «обиды» балтийских государств перекочевали в сферу конструирования образа России как неомперии на евразийском пространстве, выражающегося в понятиях «энергетическая держава», «евразийский полюс интеграции», «экономический центр на постсоветском пространстве», что породило «неврозы» по отношению к восточному соседу, катализированные надвигающимся финансово-экономическим кризисом 2008 г.

В ряде исследований о месте современной Прибалтики в ЕС стала прослеживаться мысль об «экономической оккупации» младоевропейских государств Россией: «Экономическое развитие России, давление на страны Балтии препятствуют укреплению экономической независимости или экономической деокупации этих государств. Тем не менее Балтийское членство в НАТО и ЕС не может гарантировать их полную деокупацию» [7].

В Прибалтике существует страх, что «энергетическая дипломатия» России в дальнейшем увеличит зависимость стран Балтии от нее двумя способами. Во-первых, развитие сотрудничества с главными игроками в ЕС (прежде всего с законодателем европейской политики Германией) приведет к реализации стратегии альтернативной транзитной инфраструктуры (например, газопровода «Северный поток», проложенному по дну Балтийского моря), которая направлена на исключение балтийских стран из недавно разработанных маршрутов транзита, тем самым уменьшая их возможности стать геополитическим мостом между Россией и ЕС. Во-вторых, Россия усиливает контроль над транспортными коридорами энергетических ресурсов в странах Центральной и Восточной Европы. Таким образом, транспортно-транзитная специализация стран Балтии в ЕС будет выглядеть сомнительной, а альтернативной пока не существует. Поиск полюсов экономической интеграции с Россией станет для Прибалтики неизбежностью, что впоследствии должно изменить контуры национальной политики или полностью «переформатировать» ее. Экономические «неврозы» существуют не только по отношению к России, но и к символам современного ЕС. Опрос «Евробарометр» [8] подтверждает страх жителей балтийских государств в связи с введением евро. Особенно болезненно эта идея пережива-

ется в Литве, где около 50 % населения считает, что с введением евро литовцы лишатся одного из символов своей независимости.

У населения трех балтийских государств в плане их восприятия европейской идентичности есть существенная разница: с точки зрения отношения к истории, социально-экономических характеристик и ожиданий от ЕС и вопроса о национальной политике. Стоит отметить, что самой евроориентированной страной из них на данный момент остается Эстония. Ее доверие к институтам ЕС в мае 2010 г. было самым высоким в Европе — 68 % [9], после вступления в зону евро оно снизилось.

Существенной остается проблема привязанности к своим странам, иначе говоря, самоидентифицирует ли себя население со страной. Самое высокое чувство принадлежности к своей родине испытывают эстонцы — 70 %, самое низкое — литовцы (около 59 %), в Латвии же — 66,5 %. Большая разница демонстрируется и в вопросе доверия национальным правительствам. В Эстонии многие (52,4 %) доверяют ему, а в Латвии (85,1 %) и Литве (84,1 %) — нет [10].

Главнейшим препятствием для Литвы и Латвии на пути формирования собственной идентичности является отличное от «старой Европы» понятие о демократии. Литва и Латвия занимают последние позиции в ЕС по степени удовлетворенности демократическими институтами, и кредит доверия к политическим организациям в Литве и Латвии приближается к нулю. Поэтому литовская и латвийская политика идентичности и позиционирования себя в ЕС увязывается скорее с геополитическим интересом ограничения влияния России на постсоветском пространстве, с созданием некоторого антироссийского блока в ЦВЕ с центром в Риге или Вильнюсе, конкурируя в этом вопросе с Варшавой.

Основной фактор, который мешает становлению балтийской идентичности, — фактор суверенитета. Долгое время балтийские страны боролись за свою самобытность и независимость. Поэтому все связанные с этими вопросами события по-прежнему очень чувствительны. Это объясняет нежелание стран Балтии делегировать хотя бы часть своего суверенитета совместной силе наднационального характера, которая могла бы эффективно координировать процесс регионального сотрудничества и заложить основу для будущей тройственной интеграции. Созданные совместные институты, надо признать, пока не эффективны.

Вопрос «Кто мы?», прежде всего адресованный ЕС, стал доминирующим по отношению к антироссийской риторике 1990-х гг., а также начала и середины 2000-х гг.

Мировой финансовый кризис, от которого балтийские страны не могут оправиться до сих пор, показал слабость политической риторики перед экономическими вызовами. Расширение ЕС в свое время дало этим государствам надежду на изменение их положения как периферийных стран. Однако эта сильная эмоциональная составляющая не превратилась в мощный пусковой механизм регионального строительства и интеграции.

Балтийские государства, в сущности, стали заложниками своих исторических «комплексов». С одной стороны, они должны поддерживать идею единого и сильного ЕС и проникновения его институций во все сферы своей жизни как механизмов собственной безопасности. С другой – общество балтийских стран, их социально-экономический климат (особенно в условиях кризиса, начавшегося в 2008 г.) пока еще не готовы доверить свою судьбу европейским институтам в ущерб национальной политике идентичности.

Список литературы

1. *Miniotaite G.* The Baltic States: in search of security and identity. URL: <http://edvardas.home.mruni.eu/wp-content/uploads/2008/10/balt-vals-saugumas.doc> (дата обращения: 13.03.2013).
2. *Gongola L.H.* Western European «identity» versus eastern European «identity». URL: [http://www.inclusionexclusion.nl/site/?download=Laura Herta Gongola](http://www.inclusionexclusion.nl/site/?download=Laura+Herta+Gongola) (дата обращения: 13.03.2013).
3. *Paulauskas K.* The Baltic States: picking regions, shedding myths, decoding acronyms. URL: <http://archive.minfolit.lt/arch/5001/5190.pdf> (дата обращения: 23.03.2013).
4. *Berg E.* Where East Meets the West? Baltic States in search of new identity. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no15_ses/03_berg.pdf (дата обращения: 23.03.2013).
5. *Kasekamp A.* The role of Baltic identity and cooperation in political developments. URL: <http://www.baltictimes.com/news/articles/28526/> (дата обращения: 13.03.2013).
6. *Ehin P., Berg E.* Incompatible identities? Baltic-Russian relations and the EU as an arena for identity conflict. URL: http://www.ashgate.com/pdf/SamplePages/Identity_and_Foreign_Policy_Ch1.pdf (дата обращения: 23.03.2013).
7. *Sleivyte J.* Russia's European agenda and the Baltic States. URL: <http://www.da.mod.uk/colleges/arag/documentlistings/monographs/Shrivenham%20Paper%207.pdf> (дата обращения: 28.03.2013).
8. «Eurobarometer surveys». URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 29.03.2013).
9. *European Commission.* «Eurobarometer73». URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb73/eb73_en.htm (дата обращения: 23.02.2013).
10. *European Commission.* «Eurobarometer 73.3». URL: <http://info1.gesis.org/dbksearch19/SDesc2.asp?no=5233&tab=3&ll=10&notabs=&af=&nf=1&db=D> (дата обращения: 23.02.2013).

Об авторе

Михаил Владимирович Берендеев – канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: MBERendeev@kantiana.ru

About the author

Dr Mikhail Berendelev, Ass. Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: MBERendeev@kantiana.ru